

**Сборник материалов
международной научной
конференции**

**Collected papers
of the International
Conference**

**К 400-ЛЕТИЮ
ДОМА РОМАНОВЫХ.
МОНАРХИИ И ДИНАСТИИ
В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ
И РОССИИ**

**FOUR CENTURIES
OF ROMANOV DYNASTY.
MONARCHIES AND
DYNASTIES IN EUROPE
AND IN RUSSIA**

Часть 1

Санкт-Петербург 2013 / Saint Petersburg 2013

Правительство Санкт-Петербурга
Комитет по науке и высшей школе
Законодательное Собрание Санкт-Петербурга
Санкт-Петербургский государственный университет
Фонд «Европейское наследие»

Government of Saint Petersburg
Science and Higher Education Committee
Legislative Assembly of St. Petersburg
Saint Petersburg State University
The European Heritage Fund

**К 400-ЛЕТИЮ
ДОМА РОМАНОВЫХ.
МОНАРХИИ И ДИНАСТИИ
В ИСТОРИИ ЕВРОПЫ И РОССИИ**

**FOUR CENTURIES
OF ROMANOV'S DYNASTY.
MONARCHIES AND DYNASTIES
IN EUROPE AND IN RUSSIA**

Сборник материалов международной научной конференции
Collected papers of the International Conference

Часть 1
Part 1

Санкт-Петербург, 2013
Saint Petersburg, 2013

ББК 63.3 (0)

Редколлегия

д. и. н., проф. Прокопьев А. Ю.

д. и. н., проф. Шапошник В. В.

д. и. н., проф. Дворниченко А. Ю.

Вебер Д. И. (отв. секретарь)

К 11

К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России: Сборник материалов международной научной конференции: в 2 ч. – СПб.: Скифия-Принт, 2013. Ч. 1. – 378 с.

Four centuries of Romanov's dynasty. Monarchies and dynasties in Europe and in Russia: The collected papers of the International Conference: in 2 parts. – Saint-Petersburg, 2013. P. 1. – 378 p.

Предлагаемый сборник содержит материалы международной научной конференции «К 400-летию Дома Романовых. Монархии и династии в истории Европы и России», прошедшей 5–6 декабря в Санкт-Петербурге. Отечественные и зарубежные историки в своих сообщениях затронули самый широкий спектр проблем, связанных с четырьмя последними столетиями российской истории. В центре внимания оказались также вопросы генезиса династических структур, властной символики и институтов власти в древности и их развития в средние века и новое время в Европе и России.

ББК 63.3 (0)

© Авторы статей, 2013

© Санкт-Петербургский
государственный университет, 2013

СИМВОЛИЧЕСКАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ

И СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО.

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИМПЕРИИ

В ИКОНОГРАФИИ И ПОЛИТИЧЕСКОМ ЦЕРЕМОНИАЛЕ

Абстрактные идеи, рассчитанные на широкий круг восприятия, должны получать выражение в символах – лучше всего предметных и осязаемых в самом буквальном смысле слова, но если и не осязаемых, то уж во всяком случае хорошо воспринимаемых визуально. Едва ли не важнейшее место среди «необходимых абстракций» принадлежит, разумеется, идеям политическим, выражающим, в частности, во-первых, факт существования определенного политического сообщества, во-вторых, наличие у него исключительно ценных качеств и, в-третьих, счастье «нашей» принадлежности именно к нему. Для передачи всех этих трех идей (или, если угодно, трех сторон одной и той же идеи), со времени рождения цивилизаций было выработано множество разнообразных символических систем. Немало их «действует» и сегодня, притом одновременно. Та, что узнается нами сейчас легче всего, основана на принципах геральдики, возникшей в Европе относительно поздно – в XII в., – а развившейся до того систематизированного вида, к которому мы привыкли, лишь в Новое время. Впрочем, еще моложе, например, метод «картографического символизма», когда географическая карта приобрела не только справочное, но символическое значение, демонстрируя величие представленной на ней державы. Число таких примеров из Нового и Новейшего времени можно продолжать бесконечно, но как обстояло дело с более ранними обществами?

Несопоставимо древнее, чем «геральдический» или, тем более, «картографический» символизм, оказывается манера передачи идеи сообщества при помощи персонификаций, когда все множество его членов символически стягивается к одной-единственной сверхличности. Через слияние идентичности своего «я» с такой сверхличностью индивид определяет как свое сообщество, так и свое место в нем.

Разумеется, персонификацией такого рода чаще всего должно было становиться какое-либо божество, притом в самых различных стадияльных проявлениях — от тотемного животного до монотеистического бога. Вспомним, как едва ли не каждый победитель Вавилонского царства увозил из Вавилона золотую статую бога Мардука, чтобы тем самым окончательно уничтожить разгромленную державу.

Второй вариант персонификации политического сообщества представляется фигурой уже не бога, а земного правителя (впрочем, тоже обычно не чуждого той или иной степени божественности). Данная символическая практика хорошо известна в Европе по римским императорским изображениям — живописным и пластическим. В Средние века она, кажется, сильно потеряла в популярности, чтобы вернуть ее себе полной мерой только в монархиях Нового времени.

Третий вид символических персонификаций морфологически сложнее и потому, пожалуй, интереснее всего для исследователя: он представляет не бога или правителя, а, напротив, подданных. Классические образцы таких персонификаций дошли до нас опять-таки из поздней Римской империи в виде женских фигур, символизировавших город Рим и другие крупные города — Антиохию, Александрию и др. Ранние городские «тюхе», покровительницы своих общин и воплощения их удачи, возникали в соответствии с принципом, описанным чуть выше: они, очевидно, отражали стремление членов городского сообщества отделить себя от других, определить свою «самость». С восточными городами, сравнительно поздно включенными в державу, дело, видимо, обстояло сложнее: с одной стороны, там имелись собственные, уходящие в эллинизм, иконографические традиции символического самопредъявления, с другой же, на них теперь воздействовала «извне» иконография победителя — Девы-Рима. Тем сильнее должно было сказаться ее влияние на облике дев-персонификаций недавно основанных городов, таких как Трир или Константинополь.

Революционным шагом, однако, стал переход к визуализации не отдельного города, а всей империи, представляемой теперь как группа дев-«тюхе». С одной стороны, полисная, партикулярная образная логика (взгляд «изнутри» общины) заменяется здесь на куда более отвлеченную логику наблюда-

теля, стоящего вне любого отдельного города (даже вне города Рима): он смотрит на них всех из абстрактного, не определяемого географически, «имперского» далека. С другой же, весьма существенно, что империя видится ему не как монолит, персонифицируемый единым общим богом (наподобие Мардука в «империи» вавилонской), а как совокупность разнохарактерных и примерно равнозначных субъектов — городов, а также областей (которые тоже со временем начали получать собственные персонификации). Образ империи как составного единства отразился в целом ряде общеизвестных памятников, таких как Пейтингерова таблица, «Календарь 354 года», эскилинский клад конца IV в., *Notitia dignitatum* рубежа IV и V в., изображения на монетах и др.

Христианизация империи, существенно изменившая ее официальную иконографию, и, в частности, заставившая передать Христу весь набор образов, выработанных для фигуры императора, не отменила, однако, формулу «составной империи». Последняя будет настойчиво воспроизводиться еще на каролингских и оттоновских книжных миниатюрах. Яснее всего идея империи как совокупности политических сообществ представлена на хрестоматийной миниатюре из Евангелия, изготовленного на о. Райхенау для Оттона III: здесь персонификации даже подписаны: «Roma, Gallia, Germania, Sclavinia». Для художника нет принципиальной разницы между городом (Римом) и страной (Германия) по той причине, что и то, и другое для него — самостоятельные политические сообщества. Даже особый характер Рима как патримония св. Петра не существенен для монаха-иллюстратора: он возвращается еще ко вполне «языческой» манере представления Вечного города, чтобы точнее выразить идею подчинения его императору — с Римом как Церковью это было бы сложнее.

В византийском политическом церемониале примерно того же времени, что и оттоновская миниатюра, символическое выражение составного характера империи тоже присутствует, но характер частей, насколько можно судить, — другой. (Потеря Александрии и Антиохии сама по себе должна была привести к отказу от позднеримской системы персонификаций или же к ее существенной трансформации). В одних случаях сложность империи символически выражалась через сложность столицы

и по сути дела сводилась к нему («представительство» разных димов). Таким образом Константинополь сам стал и символом, и средоточием, и символическим «заменителем» империи. В других же ситуациях акцент делался на множественности и разнообразии народов и племен, служащих императору. Широта охвата народов оказывалась, очевидно, более важным признаком империи, чем, например, широта охвата территории. Главное же, что давняя идея представления империи как совокупности политических сообществ, похоже, исчезла или ушла далеко на второй план.

Во французском королевстве составной характер державы получил свое лучшее символическое отражение, пожалуй, в церемониале коронации, когда корону над головой нового государя держали несколько епископов и князей одновременно: они при этом представляли, разумеется, «политические сообщества» совсем иного рода, чем мы встречали ранее — а именно, совокупность знатных родов, составлявших высшую аристократию королевства.

Применительно к Священной Римской империи XIV в. историк располагает великолепным памятником «политического воображения» современников — т. н. Золотой буллой 1356 г. В нескольких ее разделах автор документа явно старается передать идею империи, используя, с одной стороны, метафоры, а с другой — средства церемониала. Всякий раз империя получается у него «композиционной». Так, самым подходящим сравнением для нее автору представилось некое «священное здание» (*sacrum edificium*), колоннами которого служат курфюрсты. (В данном случае на империю попросту был перенесен тот же образ, что давно уже использовался для церкви — только там колоннами служили апостолы или иные святые мужи.)

Примерно та же картина создается и в первом церемониальном разделе Золотой буллы. Автор рассказывает императора и князей в статичном, но гармоничном порядке, словно рисуя план возводимого им сооружения — по принципам, сходным со «священным зданием» империи. Церемониальное рассказывание курфюрстов представляло взорам участников и зрителей образ империи, построенный на объединении двух принципов представления политического сообщества: как правильно упорядоченного пространства и как правильной совокупно-

сти символических фигур. Каждый из князей-избирателей по отдельности символической ролью не обладал, но все вместе, объединенные с императором в пространстве церемонии, они приобретали символическое значение.

В двух более поздних церемониальных разделах автор добавляет динамизма своей картине: во втором он дает предписание императору и князьям, как им всем следует шествовать в процессии, а в третьем составляет сценарий для целого представления, в ходе которого курфюрсты должны публично выполнять символические службы императору. Во всех трех конструируемых им ситуациях автор озабочен тем, чтобы устранить всякую почву для конфликтов среди участников: образ империи должен быть упорядоченным и гармоничным.

В итоге мы можем констатировать, что задача визуализации идеи империи всегда была столь же актуальной, сколь и непростой для выполнения. Тем не менее, решения ее всякий раз находились, и анализируя сходство их между собой, как и отличия одних от других, историк может выявлять изменения в политическом воображении людей различных обществ и разных времен.